

Горбачев и соперники

При Черненко андроповские чистки продолжались, и генсек вовсе не собирался их останавливать. При нем был арестован Каримов, 13 декабря 1984 г. покончил с собой под угрозой ареста Щелоков – Черненко отказался ему помочь.

Черненко хотел править спокойно и для этого иметь Горбачева в союзниках и преемниках. Казалось, человек № 2 был достаточно молод и мог не торопиться, не «ускорять» кончину Генсека. Да и сам Горбачев стремился действовать осторожно, в спорных вопросах склонялся к компромиссам⁵⁷⁰. В. Воротников вспоминает о его первоначальном стиле ведения Политбюро: «На первых порах робко, как-то неуверенно. Все обращается к «старикам» — их мнение. Явно подчеркивает свой демократизм, коллегиальность»⁵⁷¹.

Несмотря на успехи Горбачева, он напоминал застоявшегося коня, бил копытом, но шансы приступить к масштабным преобразованиям еще не были стопроцентными.

⁵⁶⁶ Там же. С. 293.

⁵⁶⁷ Лигачев Е.К. Указ. соч. С.27.

⁵⁶⁸ Воротников В.И. Указ. соч. С.40.

⁵⁶⁹ Болдин В.И. Указ. соч. С.60–61; Горбачев М. Указ. соч. С.253.

⁵⁷⁰ Болдин В.И. Указ. соч. С.206.

⁵⁷¹ Воротников В.И. Указ. соч. С.45.

Лигачев и Шеварднадзе вспоминали, как Горбачев рассказывал им, что в МВД существовала группа, собиравшая «компромат» на Горбачева по ставропольскому периоду его работы⁵⁷². Не прекращалось соперничество Горбачева и Романова. До самой смерти Андропова Романов надеялся стать фигурой № 2, тем более, что он был ближе к «геронтократам» по возрасту и контролировал наиболее мощные ведомства. Назначение Горбачева на место ведущего заседания Секретариата и Оргбюро было для Романова неприятным сюрпризом, что вызвало толки «при дворе»: «Черненко, когда Романов находился, кажется, в отпуске, пересадил Горбачева на первое место за столом заседаний Политбюро по свою правую руку перед Романовым... Увидев в один прекрасный день это, один из моих бывалых коллег... злорадно прошептал: «Ну, Романов, вернувшись из отпуска, будет очень «доволен» таким соседством»⁵⁷³, — вспоминает помощник Черненко В. Печенев. Однако успехи Горбачева не охладили пыл Романова — Шеварднадзе прямо называет его в качестве соперника Горбачева⁸⁵. Серьезно опасался Романова и сам Горбачев. Много лет спустя он пишет об однофамильце императоров с нескрываемой враждебностью: «ограниченный и коварный человек с вождистскими замашками...»⁵⁷⁴

Горбачев опасался также растущего влияния В. Долгих, отвечавшего за топливно-энергетический комплекс и машиностроение. При переходе к научно-техническому рывку положение Долгих в Политбюро могло стать ключевым. Пока его позиции были слабее горбачевских, но за спиной Долгих стоял Тихонов. Если бы удалось сохранить традицию избрания на место Генеральных секретарей геронтократов (хотя бы в качестве переходных фигур), то линия «престолонаследия» отклонилась бы от Горбачева в пользу Долгих и Романова. Они могли прийти к власти после Тихонова — уже глубокого старца. Впрочем, несмотря на свой 79-летний возраст, Тихонов после этих событий жил еще долго, став свидетелем падения Горбачева в 1991 г. Раздражение самого Горбачева Тихоновым сохранилось на многие годы и прорывается в мемуарах фразами вроде «Тихонов бесновался»⁵⁷⁵. Премьер видел в Долгих своего преемника, о чем как-то сказал прямо. Это обеспокоило Горбачева. «Теперь основное время Долгих проводил в епархии премьер-министра на бесконечных встречах и беседах»⁵⁷⁶.

Противоречия между Долгих и Горбачевым усилились после создания экономического отдела ЦК, курировавшегося Горбачевым: «Начались разговоры о формировании экономического отдела ЦК, и Владимир Иванович не сомневался, что станет его руководителем. Кому же еще! Он стал развивать бурную активность, к каждому Пленуму готовил либо выступление, либо обширную записку. И вдруг — осечка, назначили Рыжкова. Долгих воспринял это как удар по себе лично, тем более что ранее они с Николаем Ивановичем достаточно тесно сотрудничали»⁵⁷⁷. Дело, конечно, не в карьерных претензиях. Экономический отдел без Долгих превращался в параллельную структуру, в которой хозяйственники видели угрозу несогласованных с ними преобразований.

Сближение Долгих и Тихонова создавало сильный тандем, который нес угрозу претензии Горбачева на высшую власть. «Опять Тихонов зовет Долгих на совещания в

⁵⁷² Лигачев Е.К. Указ. соч. С.28.

⁵⁷³ Печенев В. Указ. соч. С.111.

⁵⁷⁴ Горбачев М. Указ. соч. С.231.

⁵⁷⁵ Там же. С.252.

⁵⁷⁶ Там же. С.251.

⁵⁷⁷ Там же. С.232.

Совмин, — возмущался Горбачев. — Вождя из него хотят сделать,» — вспоминает В. Болдин⁵⁷⁸. Когда Воротников заступился за Долгих в разговоре с Горбачевым, тот возразил: «Ты всего не знаешь»⁵⁷⁹. Среди соперников Горбачева иногда называют Гришина, но события 1985 г. не подтверждают эту версию.

Сила Горбачева объяснялась прежде всего тем, что он опирался на партийные кадры, а Романов, Тихонов и Долгих — на хозяйственно-бюрократические и отчасти военные. Тихонов был очень стар, Долгих занимался только своими ведомственными проблемами, редко вмешиваясь в решение вопросов, не связанных с его компетенцией. Романов, отличавшийся суровым нравом, казался опасным человеком. «Большие батальоны» и решительный характер однофамильца императоров внушали Черненко беспокойство: «Черненко понимал, что Романов, оседлав Министерство обороны, сосредоточит в своих руках такую силу и власть, что станет опасен не только для своих коллег, но и для него», — пишет биограф Черненко И. Земцов⁵⁸⁰. Горбачев со своим широким кругом интересов (в котором Тихонов усматривал признак дилетантизма, а Андропов и Устинов — разносторонности) и демонстративной лояльностью, казался пока большинству Политбюро наиболее подходящей кандидатурой наследника Черненко. Но ситуация могла перемениться в любой момент.

В середине 1984 г. по мере ухудшения здоровья Устинова оборонный отдел секретариата ЦК стал позволять себе оттеснять министра в сторону. Постепенно ведомство Романова стало выходить непосредственно на начальника генерального штаба Н. Огаркова. Одновременно Романов пытался повысить роль военных в принятии политических решений, в важных партийных совещаниях. Почувствовав поддержку, военные стали требовать резкого роста расходов на оборону. СССР не должен был проиграть гонку вооружений.

Усиление роли военных в политической структуре вызывало в партийно-государственной элите противоречивую реакцию. Основная масса номенклатуры боялась решительности генералов. Милитаризация общества и так была слишком велика. ВПК грозил разрушить гражданское производство. В то же время часть военных воспринимала Романова как выскочку, забирающего власть в министерстве обороны при живом министре. Поскольку отношения Горбачева и Устинова были теплыми, то и значительная часть военных предпочитала динамичного и остроумного ставропольца суровому питерцу.

В свою очередь руководство КГБ видимо еще при Андропове сделало ставку на Горбачева (по сообщению перебежчика О. Гордиевского, например, КГБ проявило необычное рвение при подготовке визита Горбачева в Великобританию⁵⁸¹).

Таким образом, вокруг лидеров Политбюро стали складываться уже не просто социальные, но и политические коалиции, противостояние которых должно было решить вопрос о власти. На стороне антиведомственной коалиции Горбачева были большая часть обкомов (а значит — большинство ЦК), аграрная верхушка — почва местной номенклатуры, КГБ, идеологический аппарат, большая часть политически активных военных и директората, настроенного против «диктата ведомств». Опорой его противников были ведомственная бюрократия и притесняемые Горбачевым хозяйственники, часть парторганизаций крупных военно-промышленных центров.

В то же время отношения Горбачева со «стариками», которым в конечном итоге и

⁵⁷⁸ Болдин В.И. Указ. соч. С.327.

⁵⁷⁹ Воротников В.И. Указ. соч. С.43.

⁵⁸⁰ Земцов И. Указ. соч. С.319.

⁵⁸¹ Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М., 1992. С.610, 624.

предстояло решать «вопрос о власти», оставались неровными. Тихонов откровенно демонстрировал свое презрение, отношения с Черненко у Горбачева были далеки от идеальных: «По прежнему повестка заседания Секретариата апробировалась в аппарате К.У. Черненко. Не все вопросы выносились на обсуждение, на многих документах уже стояли визы Генсека, определяющие, в каком направлении нужно решать те или иные проблемы, — вспоминает помощник Горбачева В. Болдин. — Во всем этом он сильно грешил на помощников Константина Устиновича и никому из них не простил переживаний тех дней... М.С. Горбачев, прилагавший немало сил, чтобы продемонстрировать свое влияние, чувствовал нарастающую отчужденность в отношениях с генсеком»⁵⁸². Помощники нашли относительно эффективный способ противостояния Горбачеву — они готовили проекты решений, визировали их у Черненко, а затем направляли их в Политбюро уже как предложения Генсека. Возражать в этих случаях было невозможно⁵⁸³.

Тем временем активная деятельность Романова в военной области сыграла с ним злую шутку: Д. Устинов почувствовал, что его оставляют не у дел. Вместо патрона секретарь ЦК получил могущественного противника. В сентябре Романов на время исчезает с политической авансцены.

Осенью 1984 г. состояние здоровья Черненко резко ухудшилось. Его, человека, страдавшего заболеванием легких, направили на отдых в высокогорную дачу «Сосновый бор» под Кисловодском. «Чазов с Горбачевым очень рекомендуют», — говорил Черненко своему помощнику⁵⁸⁴. «Даже люди со здоровыми легкими и сердцем трудно переносили разреженный воздух местности, где располагалась дача,» — утверждает В. Легостаев⁵⁸⁵. Уже когда Черненко почувствовал себя плохо, он беседовал по телефону с Горбачевым. Вспоминает помощник последнего В. Болдин: «Я в это время находился у Михаила Сергеевича и слышал разговор по усиленной правительственной связи. Голос у К.У. Черненко был слаб, прерывист. Он произносил несколько слов и замолкал, набираясь сил. Затем вновь быстро и невнятно говорил. Смысл всего разговора был тревожный. Константин Устинович не скрывал, что чувствует себя плохо, и советовался, что делать дальше. Михаил Сергеевич успокаивал Черненко, считая, что это обострение болезни быстро пройдет, и не надо делать поспешных шагов»⁵⁸⁶. Несмотря на мнение Горбачева, Генсека пришлось срочно госпитализировать. В. Легостаев задает риторический вопрос: «почему с лидером СССР случилось осенью то, что случилось. Явилось ли это результатом вопиющей врачебной некомпетентности, грубой халатности или точно рассчитанной, хорошо подготовленной и осуществленной умельцами целенаправленной акции»⁵⁸⁷. Не то, чтобы Чазов забыл о клятве Гиппократата... Впрочем, как мы увидим, он был готов оказывать Горбачеву услуги в его продвижении к власти.

Чтобы обезопасить себя от молодых «кронпринцев», геронтократы стали возвышать их по очереди, противопоставляя друг другу. Звездный час Романова наступил после смерти Устинова в декабре. Министром обороны был назначен связанный с ним еще по ленинградским временам маршал С. Соколов. С трибуны мавзолея Романов читал траурную

⁵⁸² Болдин В.И. Указ. соч. С.61–63.

⁵⁸³ Рыжков Н. Указ. соч. С.60–63.

⁵⁸⁴ Прибытков В. Указ. соч. С.15.

⁵⁸⁵ Легостаев М. Указ. соч.

⁵⁸⁶ Болдин В.И. Указ. соч. С.67.

⁵⁸⁷ Легостаев М. Указ. соч.

речь, посвященную памяти его покровителя и противника. Все это очень напоминало церемонию смены власти и, возможно, многих настораживало.

Тем временем Горбачев направился на землю туманного Альбиона. Этот визит скромно освещался в советской прессе, где заметней был Романов, что лишь наводило кремлевских старцев на мысль о необходимости очередной раз несколько «задвинуть» Романова в пользу Горбачева. Визит в Великобританию, тщательно подготовившийся, показал способность Горбачева договариваться с Западом в то время, когда гонка вооружений угрожала выйти на новый виток. Это должно было укрепить поддержку Горбачева со стороны ветерана Политбюро А. Громыко, руководителя внешнеполитического ведомства. Громыко понимал, что романовская решительность и тихоновский консерватизм могут оказаться опасны в трудных международных условиях середины 80-х гг. Новый Генсек должен уметь договариваться с Западом.

Британцы отнеслись к визиту со всей серьезностью — они понимали, что имеют дело с вероятным наследником кремлевского престола. Тэтчер консультировалась с учеными-советологами, уже в это время изучавшими Горбачева. По мнению одного из них, А. Брауна, Уайтхолл никогда не проявлял такого интереса к его исследованиям⁵⁸⁸.

В Лондоне Горбачев позволил себе беспрецедентную раскованность. Он даже пошутил на неприкосновенную тему: «Кому не нравится марксизм, тот должен предъявлять претензии к Британскому музею». Запад внезапно увидел члена Политбюро с человеческим лицом. Выступая в британском парламенте, Горбачев наметил несколько положений, которые выделялись на фоне обычных пропагандистских штампов советской дипломатии: «Едва ли кто станет оспаривать, что судьбы народов Европы неразделимы... Ядерный век неизбежно диктует новое политическое мышление... Наша страна в ясной и недвусмысленной форме определила свой подход: преодолеть напряженность, решать разногласия и спорные вопросы не силой и угрозой, а путем переговоров с учетом законных интересов друг друга, не допускать вмешательства во внутренние дела»⁵⁸⁹. Так мировому общественному мнению был представлен лозунг «нового мышления», который был выдвинут в книге А. Громыко (младшего) и В. Ломейко «Новое мышление в ядерный век» (М., 1984). Концепции «нового мышления» предстоит стать ядром внешнеполитической доктрины СССР после 1985 г. Позднее, беседуя с преемником М. Тэтчер Д. Мэйджором, Горбачев вспоминал: «Я бы отнес начало перестройки нашей внешней политики и ее новые подходы к декабрю 1984 года, когда я с бывшим премьер-министром Тэтчер встречался в Чеккерсе. Именно там я «прокатал» некоторые принципы общеевропейской политики — и в более широком плане — политики отношений между Западом и Востоком. Так что рождение нового мышления надо относить к декабрю 1984 года»⁵⁹⁰.

«Железная леди» заявила о готовности иметь дело с Горбачевым. Громыко мог быть доволен.